

ИГОРЬ ШУМЕЙКО

“НУЖЕН ЛИ РОССИИ ЕЁ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК?”

Размышления о новой повести Вячеслава Щепоткина “Билет на поезд к вечной мерзлоте”.

Внимание: отправляется поезд. Геостратегический поезд. Направление – Дальний Восток... Пассажиры – мы с вами. Даже те, кто прочитает новую повесть Вячеслава Щепоткина, не покидая дивана в Москве, в воронежском селе, в посёлке под Самарой, в Петербурге... – всем нам суждено проделать этот маршрут...

Но чем тут, в столь глобальной задаче, как удержание российского Дальнего Востока, поможет повесть? Что вообще может сделать “печатное слово”, даже талантливое, искреннее и горячее? Есть у меня ответ скептикам, а отчасти даже и самому себе.

В царствование императора Николая I страна готовилась отпраздновать очередной юбилей династии Романовых. Не самый “круглый”, пышный, но всё же юбилей. Кому-то он дал повод праздновать, а писателю Николаю Полевому – опубликовать в журнале “Северная пчела” знаменитую статью: некий перечень главных приобретений и потерь России за время царствования Дома Романовых. И наиболее тяжкой потерей Николай Полевой назвал уступку Приамурского края по Кяхтинскому (Нерчинскому) договору 1689 года.

Чтоб лучше представить всю внезапность, сенсационность того “открытия Полевого”, напому: на дворе – первая половина XIX века, Россия – “бесплатный жандарм по вызову”, самозабвенно защищает “Священный Союз”, помогает всем евромонархам, которые вскоре выступят против неё в годы Крымской войны. И вдруг кто-то говорит о далёком и кажется, пустынном крае... Однако Николай I осознал важность Дальнего Востока для будущего России, отправил миссию Путятина в Китай, а Невельского – на Амур, что счастливо скажется даже после Крымского поражения на судьбе страны.

Мысленно извинюсь перед автором за столь долгое (и не последнее) отступление от маршрута повести, но такова уж миссия произведений Щепоткина. (Тут я вспоминаю его “Крик совы перед концом сезона”, тоже полный роковых исторических споров, тревог и вопросов.)

А “Билет на поезд к вечной мерзлоте”, заглавная повесть в новой книге, рассказывает о двоюродных братьях Вениамине Солонкине и Александре Шаповале. Александр – из тех, кто как раз и держит, удерживает Дальний Восток своей работой, жизнью, укоренением на безлюдной земле.

А “Вениамин Солонкин в Северной Республике пробыл недолго. Затеянная Горбачёвым “перестройка” первым делом достала окраины. В том числе

и прочно стоявшие на ногах. Начали рушиться хозяйственные связи, вместо хороших зарплат — неплатежи. Веня вернулся на родину, в Астрахань. Но жизнь на Севере не забывалась, и каждый раз, после очередного появления брата, который прилетал в Астрахань на самолёте, Вениамин после второй-третьей стопки начинал расспросы: как там? что у тебя нового?

Саня отодвигал тарелку с чёрной икрой — осетры ловились не только в Волге, но и в Большой реке — и припадал к арбузу. Аккуратно выплёвывая семечки, рассказывал. О том, что ушёл из рыбаков — стал инспектором по охране природы. Территория большая: миллион гектаров на троих. Каждому — площадь, равная Кипру, Ливану. Большая река образует здесь много островов, а потому ширина её местами до тридцати километров.

— Да-а... Интересная у тебя жизнь получается. Приехать бы, посмотреть...

— А кто тебе не даёт? Приезжай.

— Дорогу построят — приеду (самолётов младший брат стал смертельно бояться — ждал железной дороги).

— Ну, это, видать, не скоро. Что при советской власти успели сделать, то и осталось. Сейчас забросили совсем...

Прервусь на необходимые пояснения. “Северная Республика” — это Саха-Якутия, важная и самая большая республика России (кстати, и самая большая административная единица в мире). “Большая река” — Лена. О причинах этих “псевдонимов” можно догадываться — или не догадываться, но... произведение Щепоткина — художественное, в своих приёмах автор волен. А забегая вперёд страниц на тридцать, мы обнаруживаем ещё одно переименование:

“— Владислав Широков... Он был хорошо известен в республике. К сорока восьми годам почти треть жизни — во власти. Сначала — в строительной сфере, поскольку имел образование инженера-строителя. Немного — в партийной. А в 37 лет был избран вице-президентом и одновременно главой правительства Северной Республики. Когда же возникла опасность захвата путём приватизации российскими и зарубежными жуликами главной ценности республики — алмазной компании, — Широкова сделали её президентом. Через годы, оказалось — сделали спасателем”.

Тут автор, похоже, не хочет переходить на публицистику и прямые “славословия”, но всякому бывавшему в Якутии в те переломные времена или просто хорошо осведомлённому о проблемах современного Дальнего Востока сразу же ясно, что это за “Широков”! Понятно, кто скрывается под этим, как сегодня говорят, “ником”.

Сам я бывал в Якутии, и в 2015 году слышал из уст тогдашнего главы Саха-Якутии Егора Афанасьевича Борисова (беседа была не тет-а-тет, а с группой писателей) положительную оценку работы его предшественника. А осенью 2019-го я гостил в Якутии по приглашению известного писателя, якутского и российского классика Николая Лугинова — автора самого “живого”, самого яркого, международно экранизированного “Чингисхана”. И выступая, встречаясь с читателями, тоже слышал немало откровенных слов. Поэтесса, председатель Союза писателей Якутии Наталья Ивановна Харлампьева прямо и очень тепло рассказала о работе этого “Широкова”, то есть...

Моё-то предисловие — произведение отнюдь не художественное, и как публицист я просто обязан строго фиксировать и честно предавать в данном случае то, что речь шла о втором главе Республики — Вячеславе Штырове.

Но вернёмся к персонажам — плоду “художественного вымысла автора”. Мне не известно, возможно, они имеют столь же конкретные прототипы, но, когда Щепоткин не связан прямо с описанием жизни высших государственных деятелей, он даёт волю себе-художнику. Вот его портреты и пейзажи:

“Серьёзной” еды у него хватало. Мясо с большими рогами ходило рядом, рыба в широком “ассортименте” плавала тоже недалеко: ленок, щука, язь, таймень и даже осётр, которого можно было ловить по лицензии. Летом держал кур. А вот за хлебом, колбасой, сыром и молоком не наездисься. До посёлка, где находился “коренной” дом Шаповала и где жила его семья, по реке было 150 километров, а это, против течения, несколько часов на моторке. И то, если Большая река не поднимет волну метра в три-четыре. Поэтому радовался Сан Саныч друзьям-приятелям, и без того не молчун, становился особо разговорчивым, общительным, шумно ценил их подарки. Даже такие, как арбуз в конце лета. Правда, ел с нескрываемым разочарованием. Закрывал

глаза и видел в мечтах Астрахань, Вениаминову бахчу, самого брата, который всё ждал железной дороги к вечной мерзлоте”.

А волчье-собачьи сюжеты Щепоткина напоминают рассказы Джека Лондона: “Собак держал не меньше трёх. Утром кормил их впроголодь – чтоб не валяжничали в лесу. Дождавшись рассвета, ехал осматривать доверенную территорию, заодно ставить или проверять настороженные раньше капканы. Добычей могли быть соболя или волк. С последним зверем Сан Саныч воевал беспощадно: кто кого перехитрит.

Вечером собак кормил основательно. Любитель поговорить за трапезой, разговаривал с ними – других слушателей не было. Ближайшие два таких же Робинзона находились в тридцати километрах – на промежуточной базе большевиченского пароходства. . .

Волк – умный и находчивый зверь. В районе зимнего стойбища появилось много волков. Каждый день бригада находила останки зарезанных оленей. Надо было спасти стадо. Попросили маленький вертолёт. Оленевод и помощник полетели с пилотом. Через некоторое время обнаружили стаю. В лесотундре с редкими деревьями спрятаться волкам было негде. Убили трёх. Оленевод разглядел ещё двоих. Одного догнали, уложили. А второй пропал. Как растворился. Пилот делал круг за кругом – волка не было. Вдруг помощник оленевода закричал: “Смотри! Вон он! – Где? – Да вон, у дерева!” Волк стоял возле большой лиственницы на задних лапах. А передними обхватил ствол и прижимался к нему, чтобы его не разглядели с вертолёта. Такого ещё никто не видел. “Давай оставим этого умного!” – смеясь, крикнул пилот. Стрелки согласились и улетели. . .”

Но “Севера” и Дальний Восток красивы без сентиментальности, а сюжеты Щепоткина – без слащавости:

“Шаповал понял, что произошло с его собаками. Стая выпустила в качестве приманки одного молодого волка. Собаки, почуяв лёгкую добычу, бросились за убегающим зверем. Тот уводил их к спрятавшейся стае. Когда собаки оказались рядом, стая выскочила. Три собаки отбивались недолго. Их разорвали на куски, но пока волки пировали тёплым мясом, четвёртый пёс убежал и запрыгнул на снегоход.

Волки сожрали даже залитый кровью снег, но подойти к машине побоялись. Это и спасло пса”.

В этой “геостратегической повести” согласно всем законам стратегии выбрано “направление главного удара”, концентрации сил и внимания автора и героев. Много было важных сфер у главы республики “Широкова” (алмазы, уголь, благоустройство самого крупного в мире города на вечной мерзлоте – Якутска), но автор выбирает, по его мнению (с которым я сто раз согласен), главную – транспорт, дороги, основные из которых, безусловно – железные.

Собственно, вся вторая половина повести – разговор в купе вагона. О, русский дорожный разговор – это особый жанр! Откровенность попутчиков, широта их интересов и замкнутость сведшего их купе – никому не убежать от самого острого вопроса! Вагонные разговоры начинают, разгоняют сюжеты и “Идиота” Достоевского, и “Анны Карениной” Толстого, и чеховских рассказов. . .

Вот и купе этого “геостратегического поезда” свело “Широкова”, журналистов, героя повести Сан Саныча Шаповала и настоящего антигероя:

“Виталий Владимирович Метельский – представитель Министерства транспорта России. Из Москвы”.

Биография его точно выхвачена, узнаваема во всех деталях. Папа – банкир лихих 90-х – растил сына в Лондоне, но даже и “лихие” денюжки когда-то заканчиваются. По старым (всё никак не рвущимся!) связям пристроил сына в Министерство транспорта: сам транспорт-де не обеднеет, выдержит ещё и никчёмного лондонградца! “Отец сказал, что Россия – это место, где можно набраться опыта и капиталов”.

Впрочем, далее его цитировать просто скучно: абсолютная узнаваемость – и все реплики, отсветы убогого кругозора известны наперёд. Единственного сюприза ждём: когда, на какой странице, на какой станции его выведут и, сообразно фамилии, отметелят в тамбуре?

Стократ интереснее сама железная дорога, пришедшая, наконец, в Якутию – “Северную республику”. На языке путейцев это “свечка” – перпендикуляр

к БАМу, на север, к Якутску, дошедший совсем недавно до станции Нижний Бестях на правом берегу Лены – точно напротив левогобережного Якутска.

В дороге журналисты-попутчики вспоминают крупные удачи: спасли от приватизации алмазы республики, приговорённый к разворовыванию “Североуголь” продали не за втихую сговоренные 150 миллионов, а за два с половиной миллиарда долларов, да ещё положили их в бюджет, минуя многие заинтересованные карманы! Но сам “Широков”, кратко отвечая благодарным “северянам”-якутянам, постоянно возвращается к дороге. Тут и нам надо возвратиться... почти на 400 лет.

Справедливо говорили: Россия – не колониальная империя, вроде Испании, Португалии, Британии. Зримый образ: *единая*, связанная, как живое тело, страна, половина Евразии. Сравнить с рисунком той же Португальской или Голландской колониальных империй: там клочок, сям клочок, тут прибрежная полоска, тут точка- город... Но **обман** единства российского государственного тела раскроют беспристрастные физические карты, на которых пунктиров госграниц, как правило, нет (они порой так подвижны, временны!), зато есть границы вечные: моря, океаны, горы!

Вся восточная часть страны, выход к океану через Охотское море, Камчатка, Аляска были **отрезаны от России**: те самые горы, встретив которые река Лена поворачивала под прямым углом. За Верхоянским хребтом, на студёном берегу и маячил одинокий Охотск. И далее, за Охотским морем, Петропавловск-Камчатский, далее – Аляска. Как там строили флот? Лес местный, инструмент, гвозди, компасы, парусину – всё тащили на себе. А канаты приходилось в Якутске *разрезать*, а якоря *распиливать*, из-за чего они сильно теряли в прочности – потому что “дорога” на Охотск через Верхоянский хребет, Джугджур была “санно-вьючной” тропой! 1261 километр (цифру привожу, исходя из прокладываемой там трассы), до Охотска доходило то, что можно навьючить на лошадок.

И аляскинские меха через Охотск, той же тропой до Якутска, далее караванами до Кяхты – центра русско-китайской торговли шли... 2 (два) года! Цифра и сама-то по себе позорная, хуже русофобского, “декюстриновского” пасквиля, но ещё и меха в той дороге очень портились! До возвращения Невельским Приамурья – *настоящего выхода* к Тихому океану, 200 лет Дальний Восток держался на той единственной горной тропинке, по русскому выражению, “на соплях”!

Так ещё раз аukaется упомянутая статья Полевого, разбудившая императора и отправившая Невельского возвращать Приамурье!

А почему – возвращать? Приамурье было уже освоено при Хабарове, русские остроги, посёлки, но... Тут-то и сыграла тема пристально, всю дорогу рассматриваемая героями Щепоткина, – её величество коррупция!

Типичнейший предок банкира Метельского и всех реальных Березовских, Ходорковских – Дмитрий Зиновьев, присланный для *награждения(!)* Хабарова. И в августе 1653 года близ устья реки Зеи вступил с оным в конфликт, развивавшийся по знакомому, прямо-таки “архетипичному” сценарию:

“– Я – ревизор! Прислан... “... всю Даурскую землю досмотреть и тебя, Хабарова, ведать”...

– Ты сперва покажи государев на то указ!

– Вор, бунтовщик!..”

Зиновьев хватает Хабарова за бороду, производит “розыск” и едет с ним в Москву. Оставляя на Амуре начальником Онуфрия Степанова.

Назначенный Зиновьевым сменщик, запредельный авантюрист, переходит Амур, навязывает войну манчжурам, *объединяет против себя (и России) весь Дальний Восток*, даже мирные корейцы присоединились к армии, громящей зиновьевского назначенца! Итог: в **бою на Корчеевской луке** близ впадения реки Сунгари потеряно всё. Хабарова в Москве полностью оправдали, но... – минус Приамурье! На 200 лет.

Вот главный пафос повести: “Как нам удержать Дальний Восток?!” – Строить дороги и выжигать (“калёным железом”, прокуратурой, сатирой, повестями, вроде этой) всех Метельских-Зиновьевых-Березовских!

Мне, дальневосточнику по рождению и постоянному интересу, особо важна эта повесть, грозное предупреждение её героя, “Широкова”: **“Запомните: на землю без людей придут люди без земли”**.

На мой взгляд — очень удачно, точно Вячеслав Щепоткин разделил роли братьев. Шаповал — давно, как и Широков, “впрягся” в российско-дальневосточное Дело, Миссию. А двоюродный его брат Вениамин Солонкин... За ним ведь тоже важный пласт, “сегмент населения” современной России. Изобрази автор такого же подвижника, как Шаповал, вышло бы банальное упрощение, хуже — неправда! И читатель бы почувствовал: “Что тут мне рисуют сплошных энтузиастов первых пятилеток! Я-то вижу разницу эпох!” И был бы прав.

Но эта повесть — о реальной современной России (и для неё). А реалии в том, что жить, действовать приходится в расколатом обществе. И за Солонкиным — весьма значительная часть населения, не Метельские “лондонградцы”, но выжидающие, хлебнувшие в “перестройку” и 90-е. Всеми социологами эти расслоения зафиксированы, но у Щепоткина не социологический отчёт — художественная повесть, и очень жизненным выглядит “тест”, который избрал для властей Солонкин: железная дорога! На уговоры Шаповала вернуться в Якутию он отвечает: “Приеду по ж. д.!”

Отговаривался то боязнью авиакатастроф, то захватами самолётов... Но читатель понимает: дело не в “аэрофобии”. Для второго из братьев критерием поворота, настоящего внимания к Дальнему Востоку будет железная дорога.

Отсюда и радостная нота в последних строках повести:

— А? Не слышно! Что там у тебя гремит?

— Дождался ты, наконец! Это празднуют здесь! Пришёл первый пассажирский! Так что бери билет на поезд к вечной мерзлоте...”

Повестью, о которой шла речь, открывается второе издание сборника повестей и рассказов под названием “Разговор по душам с товарищем Сталиным”. Повесть о “Разговоре...” была в прежнем издании и, как говорится, не осталась незамеченной. Это я ещё слабо выразился, а не слабо и точно написал рецензент Александр Григорьев в “Аргументах недели” (28 августа 2019):

“После выхода в “АН” небольшой заметки, в которой рассказывалось о книге Вячеслава Щепоткина “Разговор по душам с товарищем Сталиным”, произошло невероятное. Звонки, письма: “Спасибо вам за правду о великом человеке”, “Из каких источников автор взял цифры жертв репрессий, которые значительно отличаются от официально-пропагандистских?”... Редакции “АН” эта тема также показалась интересной. *СОВРАТЬ всегда! Соврать везде! До дней последних донца!* Самая большая ложь XX века — ложь о количестве жертв так называемого “Большого террора” 1937-1938 г<о>дов и прямое участие в них Иосифа Джугашвили. Или товарища Сталина. Начиная с правления Хрущёва “со скошенными к носу от вечного вранья глазами” историки, журналисты будто стремятся перещеголять друг друга...”

Наверно, необычайный успех повести, письма читателей, а может, и прямые настояния редакторов заставили включить “Разговор по душам...” и в новую книгу. В повести “Холера”, кроме точных выверенных деталей редакционного бытия (автор в своё время работал в ведущих СМИ СССР, России), хоть и не в самом фокусе, но вполне убедительно показаны подробности жизни инфекционной больницы: “холера” заглавия — не только аллегория, но и вполне реальная... не скажу эпидемия — болезнь. А ещё показаны люди, что не дают превратиться второй в первую. Нынешний ковид, увы, добавляет актуальности.

Из рассказов, вошедших в книгу, должен отметить “Возьмите ребёнка на руки (Посвящается В. А. Штырову)” — он отчасти симметричен повести “Билет...”. Тоже два брата — Царёвы, жизненные пути которых тоже пересеклись с судьбой бывшего главы республики Штырова в одном типично северном, якутском и, наверно, типично штыровском приключении. Пересказывать его — значит лишить читателя части удовольствия от книги. Отмечу лишь, что подобным двойным обращением к фигуре бывшего главы автор, похоже, подбирается к давней российской теме “народ и власть”, и выглядит это не как самоцель, но продолжение всё той же сквозной темы. Каким должен быть руководитель, чтоб нам удержать Дальний Восток?

В повести “Слуга закона Вдовин” — снова на “Северах”, но уже не якутских, а поморских.

“Казнь С. Разина” – щемящие картины послевоенного детства. “Принцип Козодоева” – о студенческих годах в Ленинграде молодого ставропольца. “Маманя Груня и монах” – история, завязавшаяся в редакционных буднях “большой московской газеты”, перешагнула через подробности... кажется, был такой фильм “Из жизни отдыхающих”, и подошла к Сонечке, самой, пожалуй, живой и живописной женской фигуре во всей книге. Похоже, автору с неотступными вопросами о Сталине, удержании Дальнего Востока было не до рельефных женских образов, а тут он развернулся!

Южный по фактуре “Подарок” закрепляет общую тенденцию всей книги: на “Югах” – преимущественно частная жизнь, быт (как на бахче первого из героев, выжидавшего Вениамина Солонкина). А на “Северах” – государственная, глобальная, жертвенная и героическая.

Наверно, это, как говорили классики, *объективная реальность, данная нам в...* том числе и в новой книге Вячеслава Щепоткина.